

Price in NYC 50¢, outside of NYC \$1

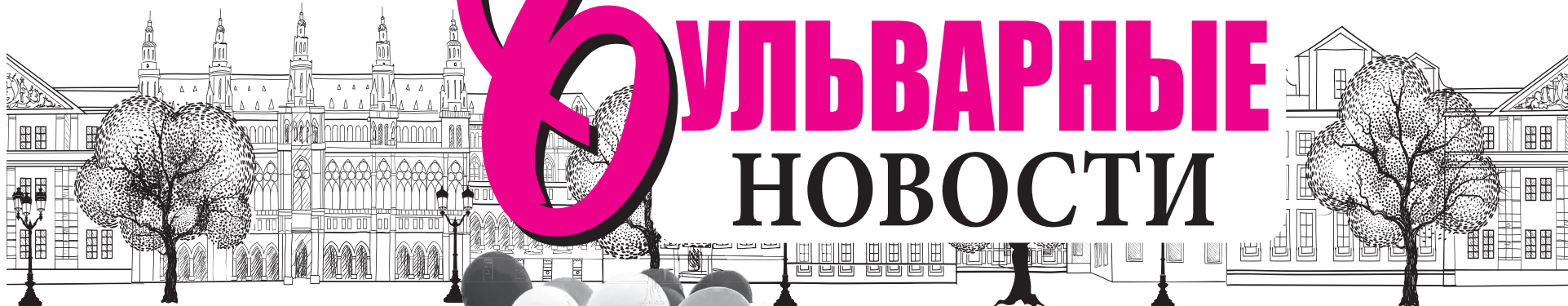
ВОТ И ЛЕТО ПРОШЛО

СТР.14-15

СОБЫТИЯ. МНЕНИЯ. ИСТОРИИ.

№37 (275)
СЕНТЯБРЬ 2025

БУЛЬВАРНЫЕ НОВОСТИ

**ДНИ ОДЕССЫ В МИРЕ
И В НЬЮ-ИОРКЕ**

СТР.2

СТР.9-11

**В ДВУХ
ШАГАХ
ОТ РАЯ**

**ВЕЛИКИЙ
МИМ**

СТР.4-5

В ДВУХ ШАГАХ ОТ РАЯ

Геннадий Норд

Очень давно после одного из моих концертов в Вильнюсе я забрел в книжную лавку. Хотел приобрести что-нибудь из новинок. Но книги я не купил. Мое внимание привлекла папка формата А-3 с репродукциями очень интересных картин.

Уникальные, ни на что не похожие изображения нашего мира, оригинальные цвета. А все картины, как видения больного разума, символизм в чистом виде.

Эту папку с репродукциями я увез с собой, и, много раз рассматривая картины, находил в них новые оттенки и грани.

Позже я начал интересоваться автором необычных картин. Оказалось, что Константинас Чюрлёнис не только художник, но и композитор...

- Пустельники - какое красивое слово. Оно синее-зеленое, как можжевельниковый мох. И воздух там влажный, тягучий, прохладный, пропитанный ранней весной. Местечко Пустельники находится недалеко от Варшавы, а весна такая нежная, как и в Литве. А как заливаются по утрам птицы...

Голубые глаза Чюрлёниса обратились к пану Боровскому, во взгляде металась паника.

Удивительный человек этот доктор. Он даже совсем не похож на врача. Слушает внимательно, никогда не перебивая, будто у него уйма времени, и глаза у него серьезные.

Константинас Чюрлёнис давно привык к тому, что стоит забыть и начать говорить о сокровенном, тотчас в глазах собеседника появляется недоверие или насмешка. Или это просто ему кажется?

Пан Боровский всегда согласно кивает, даже когда Чюрлёнис рассказывает ему о том, что дрозды издают коричневый с оттенком бежевого звук, а малиновки - те в основном золотисто-розовые. Свою способность видеть и ощущать в цвете буквы и звуки он понял в детстве.

В тот день Чюрлёнис рассказал пану Боровскому об отце. С нерешительной улыбкой он поведал, как отец сбежал после его рождения от жены на целый год. Наверное, устал от семейной рутины.

Константинас вздохнул и задал доктору вопрос, мучивший его:

- Пан доктор, прошу прощения за странный вопрос. Но я вдруг забыл, моя жена родила ребенка или мне это приснилось?

Пан Боровский доброжелательно приоткрылся к его плечу:

- Не волнуйтесь, со всеми нами бывают приступы забывчивости. Ваша супруга, пани Зося, действительно родила прехорошенькую девочку, которую назвали Дануте. Я надеюсь, вы скоро встретитесь. А сейчас давайте вернемся к вашему отцу. Что же было дальше?

- Что было? Да, собственно, ничего не было. Вернулся через год, как ни в чем не бывало.

- Просто так - на свет поглядеть, - так он объяснил свое отсутствие.

Страсть к музыке Микалоюс Константинас Чюрлёнис (в семье его звали Константом, Костеком) унаследовал от отца, но от него же ему достались и странности его характера.

Отец, сельский органист был по натуре романтик и фантазер, принадлежал к тому типу людей, которых более благополучные современники обыкновенно называют странными чудаками.

Константинас был первенцем. Он родился в литовском Варене, а вырос в курортном местечке Друскининкай, куда вскоре переехали его родители. После Константинаса в семье родилось еще восемь детей. С четырех лет отец учил его игре на органе.

Талантов, как и странностей, юному дарованию было не занимать. Стремясь объять необъятное, он изобрел свой алфавит. Позже на некоторых его картинах

Родители Микалоюса Константинаса Чюрлёниса

Микалоюс Чюрлёнис

Мария с дочерью и падчерицей

появятся знаки этой загадочной письменности. Есть сведения, что он «обладал еще и особым даром, проявляемым в опытах по гипнозу и телепатии - от лечения зубной боли прикосновением руки до внушения на значительном расстоянии».

В двенадцать лет Костек отдал на обучение князю Михаилу Огинскому. Огинский в своем поместье Плунге содержал оркестр и музыкальную школу. Потом на деньги добрейшего пана Огинского талантливый юноша поступил в Варшавскую консерваторию.

Студентом в Варшаве Константинас ютился в убогой комнате и по бедности держал пост почти круглый год. Живот упорно сводило от голода, но он занимался, стуча по клавишам полупрозрачными пальцами. В его бедной переутомленной голове поселились

сомнения, и временами звучал голос:

- Ты не сможешь. Посмотри на других - у них пальцы летают по клавишам, а у тебя они словно деревянные!

Иногда ему казалось, что голос обречает уккоризненные интонации отца. Измученный сомнениями в своем исполнительском таланте, Константинас внезапно бросил фортепьяно и записался на факультет композиции. На стенах его каморки появилось расписание: композиция - семь часов, пианино - три часа, чтение и самообразование - три часа.

А друзья-студенты весело проводили время в спорах за бутылкой вина...

Он забывал, что в сутках всего двадцать четыре часа, а он человек, а не бесплотный дух. Константинас с занятий уныло волочился домой, едва передвигая от слабости ноги.

И вот тогда в его жизни появилась Мария. Чюрлёнис изводил себя мыслями о том, что Мария - это искушение, соблазн. Он увидел ее на концерте в консерватории. Сначала он заметил в первом ряду хрупкую темноволосую девушку в белом платье, и, несмотря на ее черно-белую гамму в голове у него зазвучала голубая соната - люди часто вызывали у него подобные ассоциации.

Мария была сестрой его лучшего консерваторского друга, Генека Моравского. С тех пор началась его любовь-пытка, любовь-сомнение.

Моравские жили в престижном районе Варшавы. Отец семейства был директором порта, в их огромном доме была прислуга, а хрустальные люстры были такими же, как в консерватории. Приходя к Генеку, Константинос встречал теперь Марию и мучительно переживал по поводу заштопанной старой кофты и старался спрятать ноги подальше под стул, пряча изношенные башмаки.

Красавица Мария не замечала его бедности и однажды сказала, что у него глаза - трагические.

Первая любовь перевернула душу Чюрлёниса. Он вечерами бродил вокруг дома Моравских, изобретал поводы, чтобы зайти в гости. И вдруг восемнадцатилетняя избалованная барышня, оставшись наедине с Константиномасом, первая призналась ему в любви:

- Вы не похожи на других, я люблю вас!

Варшава приобрела цвета и краски райской симфонии. Они с Марией часами бродили по улочкам. Без всяких помарок и мучительных переделок ему с ходу удалось написать несколько сонат и прелюдий, посвященных прекрасной Марии. Девушка вызвалась переписать ему ноты, могла подсказать новое движение мелодии, а главное - она умела читать мысли!

Летом Моравские уехали в свое имение, и Чюрлёнис писал ей трогательные письма. Разлука показалась невероятно долгой, и влюбленные строили далеко идущие планы. В конце лета Мария пришла на свидание в заранее условленное место.

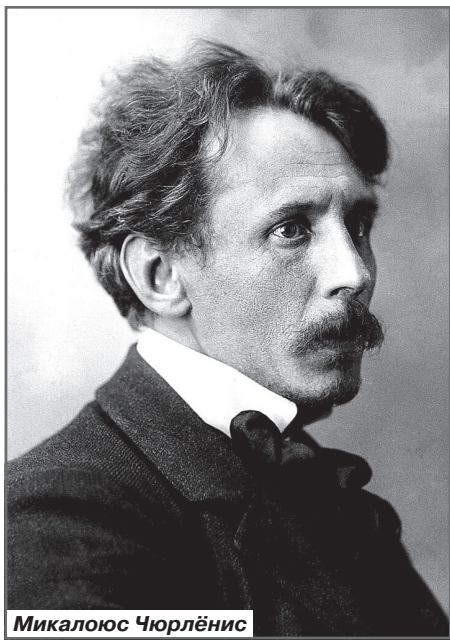
Отец Марии заявил, что ей никогда не стать женой Чюрлёниса, не будет его дочь сама стирать белье на пятом этаже. В тот день Мария была одета по-дорожному, и в руке у нее был небольшой чемоданчик:

- Костек, сбежим и тайно поженимся. Родители потом остынут и простят!

Сомнения, мучившие Константинаса, в ту же минуту превратились в тысячу бесов: «Ты не достоин! Что ты можешь предложить этой девушке? Она возненавидит тебя. Ты предан музыке! Личное счастье несовместимо с композиторской долей!»

Голос сомнения победил. Похоже, он тогда совершил непростительную глупость.

Окончание на с. 10

Микалоюс Чюрлёнис

Чюрлёнис с женой Зосей

Зося Кимантайте

Чюрлёнис с женой Зосей

Окончание. Начало на с.9

пость. Вскоре от Генека он узнал, что отец приказал Марии выйти замуж за богатого вдовца Мациевского. Она покорно приняла эту долю. Сердце Чюрлёнюса рвалось от тоски, но он зачем-то пошел на эту свадьбу.

Мария вышла замуж за нелюбимого. У вдовца оказалось четверо детей.

Чюрлёнис достал фотографию и смущенно показал пану Боровскому. Красивая пышноволосяя женщина грустно смотрела в объектив.

После того, как Мария вышла замуж, все у него стало валиться из рук. По десять-двенадцать часов он просиживал за пианино, а его дипломная работа не двигалась. Бессонными ночами он исписывал кучу тетрадей, в которых вел диалог с самим собой.

После окончания консерватории Константинасу предложили почетное место директора музыкальной школы в Люблине, а потом высокооплачиваемую должность педагога Варшавской консерватории. Можно было сменить штопаную кофту на приличный костюм и не бегать

по грошовым урокам. Но он вежливо отказался.

Домой Чюрлёнис вернулся вконец измотанный. Наткнувшись на свои исписанные мелким почерком нотные листы, он без сожаления бросал их в печку.

Перевернув один из нотных листов в каком-то невероятном порыве, он начал рисовать музыку. Чюрлёнис с детства любил краски, рисовал неплохие пейзажи. Так он нарисовал одну сонату, потом другую.

Его симфония «В лесу» приобрела на бумаге выразительность, плотность, запела и заиграла разноцветьем красок и обертонов. Это было открытие. Последующие три года были самыми счастливыми в его жизни. Константинас чувствовал себя так, как, наверное, чувствует себя запойный пьяница, дорвавшийся до бутылки.

Он просыпался именно в ту секунду, когда в голове начинали перекликаться звуки - и тотчас хватался за палитру. Горя вдохновением, он писал по пять-шесть картин в день.

В Варшавскую академию живописи Чюрлёниса приняли сразу же. Оказывается, он писал в русле нового тогда

направления - символизма. За учебу Константинас платил половину - он также перебивался частными уроками, а вторую половину за него вносил Казимир Стабровский, ученик Репина и основатель Варшавской академии живописи.

Работы Чюрлёниса хвалили. Но главное, впервые в жизни он испытывал удовлетворение от творчества. У Константинаса было чувство, что он поднимается все выше и выше. Ни одного спада настроения, ни одного плохого дня за несколько лет! В тот период у него начались очень яркие сны.

Случались и романы с однокурсницами - Зосей Лапиньской, с Иреной Водзиньской. Эти девушки были свои, понятные и с ними он чувствовал себя легко.

Однажды всей компанией поехали на Кавказ. Терек, Владикавказ, Эльбрус, Дарьяльское ущелье. Чюрлёнис рисовал сутками, слушая грохот водопада. Как-то на рассвете, стоя в долине Эльбруса в окружении горных хребтов, над которыми парили орлы, он услышал как кто-то внутри него повелительно произнес:

- Ты совершил уже всё лучшее! Больше ничего не будет. Прыгай вниз.

В ту секунду он рухнул с чудесных парящих высот, но не вниз, а в черную пропасть, в депрессию. Он перестал рисовать, а в его голубых глазах застыло страдальческое выражение.

Привезя с Кавказа свои работы, он показал их матери и отцу. Отец, молчал-молчал, а потом брякнул:

- Зачем музыку бросил? Мазней теперь занимаешься!

В надежде обрести душевный покой Константинас после окончания Академии мотался из города в город: нигде ему не было уютно. Из Варшавы - в Петербург, потом - обратно.

В 1906 году в российской столице проходила выставка Варшавской художественной школы. И в солидных газетах критики называли его работы яркими и самобытными.

Как-то в его комнатенку заглянул знакомый:

- Добужинский и Бенуа хотят взглянуть на твои работы!

Он не поверил. Приятель Чюрлёнюса открыл знаменитым художникам дверь и показал картины. В самом центре стояла неоконченная «Соната моря».

Константинас прятался на кухне и вдруг услышал:

Зося Кимантайте с дочерью Дануте

- Я куплю эту картину за двести рублей, когда она будет закончена!

Он стоял ни жив, ни мертв: перед высокими гостями негоже было появляться в несвежей рубашке и драных штанах. Наутро он сел в поезд и уехал в Вильнюс. Он и сам не знал, кто гнал его всегда, когда он был близок к успеху.

На литовской выставке 1907 года он впервые увидел Зосю, так на польский манер он называл Софью Кимантайте. Она минут двадцать стояла у его «Похоронной симфонии», не в силах оторвать замороженного взгляда.

Странно, но он помнил все детали: на Зосе было голубое платье с вышивкой и такого же цвета бант в русых волосах.

Ей был двадцать один год, она была студенткой филологического факультета, но вовсе уже писала стихи и романы. Зося была из хорошей семьи. Ее отец был известным юристом.

Их знакомство и начавшиеся отношения пришлось не по душе родным Зоси. Но на этот раз он не упустит свое счастье.

Из письма брату Повиласу Чюрлёнюсу от 7 сентября 1908 года, Друскининкай:

«Знаешь ли ты, кто такая Зося? Догадываешься, наверно, - это моя невеста. Та, о которой я столько мечтал, искал ее на своем пути, а встречал лишь жалкое подобие, разочарование и обман.

Сотворение мира IX

Спокойствие

Рай

Тоска

Сейчас так хорошо у меня на душе, что хочется обнять весь мир, прижать к себе, согреть и утешить. Братец мой, знаешь, как хорошо будет у нас дома - какая-то дивная гармония, которую ничто не в силах нарушить, все существует как великолепное сочетание красок, как звучание прекрасного аккорда»

Наибольшей интенсивности его творческая активность достигает в 1908 году, за год до начала явного психоза. И многие из тех, кто видел его картины на первых выставках, стоя перед ними, испытывали странное ощущение того, что это одновременно и волшебство, и галлюцинация.

Влюбленные поженились в местечке Плунге 1 января 1909 года. Поселились молодые в Вильнюсе и сначала жили дружно.

Из письма Чюрлёниса жене:

«Если бы ты знала, как я счастлив и горд! И знаешь, отчего? Все благодаря моей Жене - имя ей Зося, а похожа она на весну, на море, на солнце. Милое мое дитя, я не могу собраться с мыслями - светящийся хаос, Юрате, ты, музыка, тысяча солнц, твои ласки, море, хоры - все сплетается в одну симфонию. Писать так трудно, слова так жестки, сухи. Хотелось бы передать тебе самые прекрасные мысли, которые, как стаи испуганных появлением Юрате чаек, летают в серебристом тумане утра над светлой Балтикой.

Хотел бы я окружить тебя маем, полным запаха цветов и тишины, а под ноги твои бросить прекраснейший ковер Махарани, сотканный из золотой паутины и хризантем белее снега. Я хотел бы, чтоб, лежа на нем, ты слушала тишину.

Я хотел бы создать симфонию из шума волн, из таинственной речи столетнего леса, из мерцания звезд, из наших песен и бескрайней моей тоски. Я хотел бы подняться на самую высокую вершину, недоступную смертным, и из самых прекрасных звезд сплести венки Зося - Жене моей. Я хотел бы ласкать тебя самой благородной лаской на сонном облаке, лениво плывущем над Великим

океаном. Моя Королева Неизвестных Краев, Непроходимых Лесов, Островов Счастья».

С некоторых пор Чюрлёнис стал замечать в своих чувствах к жене странное раздвоение, словно в нем жили два разных человека. Один Константинас боготворил ее: готов был пылинки с нее сдувать, второй был груб.

Один зашнуровывал ей ботинки, другой в ярости кричал:

- Хватит пописывать свои пустые романчики!

Один целовал ей колени, а второй постоянно сравнивал ее с Марией: глаза не столь выразительны, руки не столь изящны.

...Доктор Боровский спросил:

- Помните как вы хотели выбросить портрет Зоси и утопить его в реке? И что было за этим? Помните?

Константинас удивился: он мог хотеть выбросить портрет Зоси? Разве он мог ей причинить зло? Закоулки памяти, в которых царил непроглядный мрак, вдруг осветились.

Это было в Петербурге. Михаил Добужинский, нашел его рисующим пальцами кружочки на всех поверхностях комнаты, и сразу написал Зося. В ожидании приезда жены Чюрлёнис заказал для нее дорогие подарки в самых лучших магазинах, и приехавшей Зося пришлось извиняться перед приказчиками и объяснять, что эти покупки ее муж совершил в состоянии помрачения ума.

Да, он стал подозревать беременную Зося в том, что она ему неверна:

- Кто отец ребенка? За тобой пытался ухаживать художник Маковский! И критик Фердыщенко туда же!

Перепуганная Зося забилась в угол кровати. Ее трясло, как в лихорадке и больше всего она боялась не за себя, а за ту маленькую жизнь, которая поселилась в ней несколько месяцев назад.

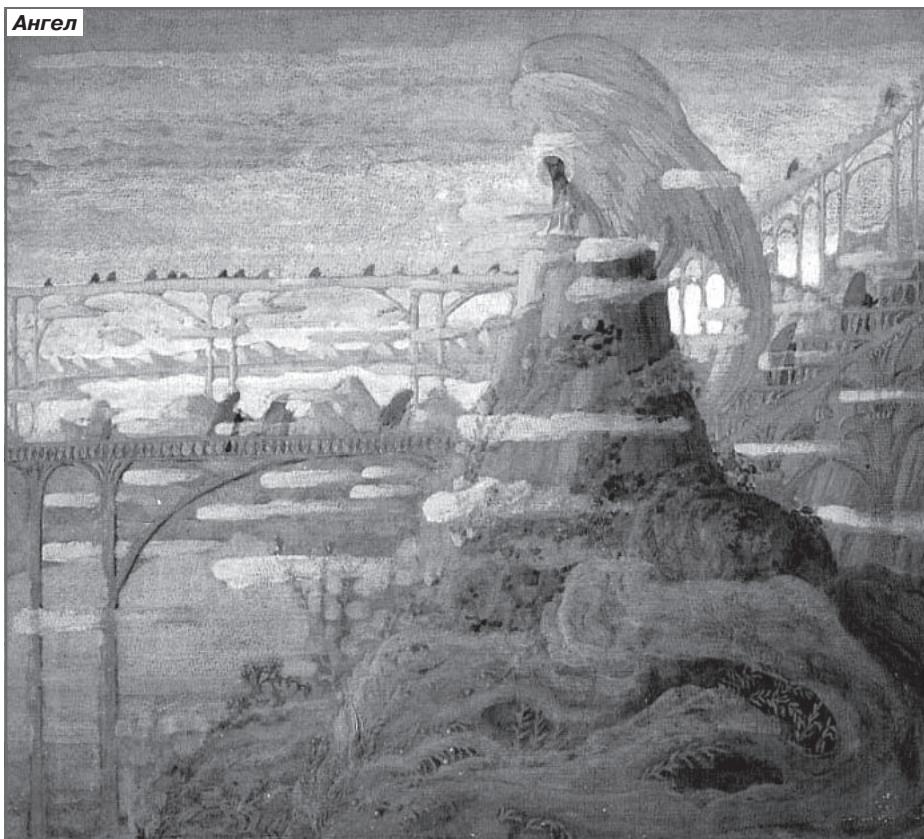
Художника поместили в частную клинику для душевнобольных в Пустельниках.

Дочка Чюрлёниса родилась в мае 1910 года, уже после того трагического эпизо-

Сон Иосифа

Ангел

да, когда он покушался на беременную жену.

Его врач, специализирующийся на подобных душевных расстройствах с фрагментарной потерей памяти, отмечал, что все довольно типично, что больной помнит все до последнего травмирующего момента, когда его сознание полностью захватила другая личность.

В клинике Чюрлёнис обрел ясность сознания, и доктор Боровский, искренне привязавшийся к своему пациенту, надеялся, что Константинас сможет вернуться к нормальной жизни. Он сно-

ва стал рисовать, даже строил планы на лето - хотел провести его с родными в Друскининкае.

7 апреля внезапно ударили заморозки, и 35-летний Чюрлёнис простудился.

10 апреля 1911 года его не стало.

О раннем начале психического расстройства художника стали говорить специалисты.

Его ближайшие родственники впоследствии не возражали, когда одна из самых первых картин Чюрлёниса «Покорой» стала приводиться в отечественных учебниках психиатрии как пример иллюзии или галлюцинации психически больного человека.

Вот выдержка из учебника по психиатрии:

«Черты шизофренической психики можно увидеть на картинах художника Чюрлёниса, страдавшего шизофренией и отразившего в своих произведениях многое от болезни».

София Кимантайте-Чюрлёнене пережила мужа на 47 лет. Она преподавала литовский язык в Государственной театральной школе актерского мастерства, а также на гуманитарном факультете Университета Витовта Великого, перевела на литовский произведения Мольера, Флобера, Гомера.

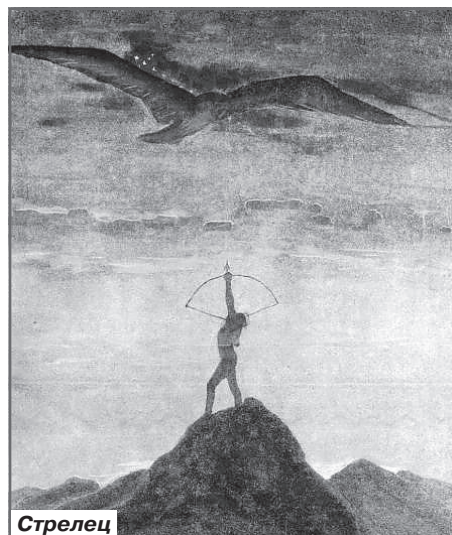
Даунте вышла замуж за представителя известного рода графов Зубовых.

Правнук Чюрлёниса, Рокас Зубовас преподает в литовской музыкальной Академии в Вильнюсе по классу рояля.

Королева Рэ

Стрелец

Соната солнца. Скерцо

